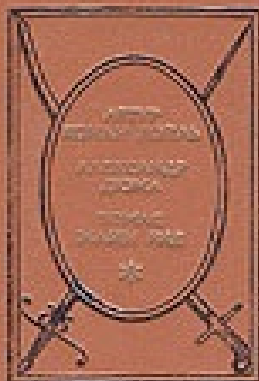

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

СМЕРТЕЛЬНЫЙ ВЫСТРЕЛ

- [Артур Конан Дойль](#)
 - [Глава I. Возвращение губернатора Сент-Киттса](#)
 - [Глава II. Как поступил капитан Шаркэ со Стефэном Крадкоком](#)
 - [Глава III. О том, как Коплей Бэнкс умертвил капитана Шаркэ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)

Спасибо, что скачали книгу в
[бесплатной электронной библиотеке](#)
[Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Артур Конан Дойль
Подвиги морского
разбойника
Повесть

Глава I.

Возвращение губернатора Сент- Киттса

Война за испанское наследство

окончилась Утрехтским миром^[1], и много неимущего люда, добывавшего себе кусок хлеба службой в войсках, осталось без занятий и заработка. Некоторые из этих людей пошли по обыденной стезе сухопутного заработка, другие записались в рыболовный флот, а третьи, более беспокойные, последовали иному призванию. Да, было много людей, посвятивших себя пиратству и объявивших войну всему роду человеческому.

И по морям и океанам заскользили подозрительные суда, команда которых вербовалась из представителей всех племен и народов.

Иногда эти пираты исчезали неизвестно куда, иногда же, набравши много добычи, они появлялись в каком-нибудь приморском городе. Кутежи пиратов поражали своей расточительностью, а жестокость же этих людей приводила мирных жителей в ужас.

Особенно усердствовали пираты около Коромандельского берега, на Мадагаскаре, в африканских водах, у берегов Вест-Индии и, вообще, во всех американских морях. Зиму пираты грабили на юге нового материка, а лето проводили в Новой Англии, прокучивая награбленное.

Пираты в прошлом были не только страшны, но и благородны.

Этого нельзя было сказать о новых морских разбойниках. Они были только свирепы и безжалостны. Они не церемонились ни с кем и часто предавали пленников жестоким истязаниям. Благородство их носило шутовской характер, но зато свирепость не знала никаких пределов и была совершенно искренна.

Шутки пиратов были страшны. Так, однажды, захватив купеческий корабль с грузом, они отпустили капитана на свободу, но прежде надругались над ним. Отрезав ему нос и уши, они приготовили из них блюдо и заставили несчастного съесть это страшное кушанье. В те

времена только самые смелые моряки решались на плавание по Карибскому морю.

Одним из таких отчаянных моряков был капитан Джон Скарроу, командовавший судном «Утренняя Звезда».

Но даже и этот храбрец испустил вздох облегчения, когда его судно, после опасного плавания, бросило, наконец, якорь в ста ярдах от грозной Бассетеррской цитадели. Остров Сент-Киттс был последним этапом, и отсюда «Утренняя Звезда» везла очень большой груз сахара и красного перца, и капитан Скарроу с беспокойством присматривался к каждому парусу, который появлялся

на фиолетовом горизонте тропического моря. На всех стоянках ему приходилось внимать рассказам о грабежах и насилиях, имевших место незадолго перед этим.

Дело в том, что как раз незадолго перед приходом «Утренней Звезды» вдоль всего берега прошло пиратское судно, вооруженное двадцатью пушками. Судно это носило имя «Счастлирое Освобождение» и принадлежало некоему капитану Шаркэ, который на своем веку перетопил много кораблей и перебил много людей. Страшные сказания ходили об этом человеке. Жестокость его не знала границ и, кроме того, он любил

шутить над своими жертвами. О, это были угрюмые, мрачные шутки!

Его выкрашенное в черную краску и носящее двусмысленное имя судно начало путь от Багамаса и, дойдя до океана, усеяло весь путь смертью и всем тем, что ее сопровождает. Все это заставило капитана Скарроу быть в высшей степени напряжения и, оберегая свой груз, он пошел окольным путем, надеясь избежать каких бы то ни было встреч, но и здесь, в этих пустынных водах, мрачная слава капитана Шаркэ гремела вовсю.

Однажды утром «Утренняя Звезда» встретила ялик, беспомощно колебавшийся посредине океана. В

ялике лежал один матрос. Он был без сознания и бредил. Когда несчастного втаскивали на палубу, он дико кричал. Язык у него весь высох и был черен, как гриб. Беднягу привели в чувство, и он оказался молодцеватым матросом из Новой Англии. Родом он был из Марбль-Геда и отправился в море на шхуне, которая имела несчастье попасться страшному Шаркэ. Изо всей команды уцелел он один.

Звали этого матроса Хирам Эвансон. Целую неделю ему пришлось пробыть на ялике без еды и питья, под тропическим солнцем. В качестве провизии Шаркэ дал Эвансону изуродованный труп его

капитана, но матрос поспешил бросить тело в море, во избежание искушения, как он выразился. Жил он эту неделю ужасно и уже впал в безумие от голода. От смерти его спасла, совершенно случайно, «Утренняя Звезда».

Капитан Скарроу был доволен тем, что нашел Хирама Эвансона. Команды у него было мало, и она была плохо вооружена. Этот большой и сильный парень из Новой Англии был положительно своевременной находкой, и он благодарил в душе знаменитого Шаркэ.

— Должно быть, я единственный человек в мире, который обязан капитану Шаркэ

благодарностью, — смеялся он.

Но все эти страхи прошли, и теперь, находясь под прикрытием пушек Бассетеррской крепости, капитан Скарроу чувствовал себя в сравнительной безопасности от пиратов. Однако на душе у него заскребли кошки, когда он увидел, что от здания таможни отчаливает лодка и направляется к «Утренней Звезде».

— Держу пари, Морган, — сказал он старшему штурману, — что первое слово, которое произнесет таможенный агент, будет о капитане Шаркэ.

— Что же, капитан, я готов поспорить с вами на серебряный

доллар, — ответил старый коренастый бристолец.

Гребцы-негры быстро приближали лодку к судну. Еще момент, и одетый в белый полотняный костюм агент очутился на палубе «Утренней Звезды».

— Здравствуйте, капитан Скарроу! Не слышали ли вы чего-нибудь о капитане Шаркэ? — воскликнул он.

Капитан взглянул на штурмана и ухмыльнулся.

— А какую чертовщину он у вас тут наделал, этот Шаркэ? — спросил он у агента.

— Чертовщину?! Значит, вы ничего не слышали? Так знайте же,

что Шаркэ пойман и сидит в Бассетерре под замком. В среду его судили, а завтра утром будут вешать.

Капитан и штурман даже ахнули от радости. Вся команда начала радоваться и кричать. О дисциплине было забыто, и все столпились в одну кучу. Хирам Эвансон был впереди всех, лицо его сияло, глаза были молитвенно устремлены на небо. Надо сказать, что Эвансон был пуританин.

— Шаркэ будет повешен! — воскликнул он. — А знаете ли, господин агент, не нужно ли здешним властям палача?

— Назад! — крикнул штурман, который вознегодовал на своих

подчиненных, забывших дисциплину. Это негодование даже пересиливало в нем желание послушать интересные новости.

А затем, обратившись к начальнику, штурман произнес:

— Никогда я не платил за проигранное пари с таким удовольствием, как теперь! Я вам заплачу охотно этот серебряный доллар, капитан Скарроу... Но скажите, пожалуйста, как удалось поймать этого негодяя?

— Видите, очень уж он стал жесток, так жесток, что даже собственной команде опротивел. Они не захотели держать его на корабле и ссадили его на островок

Литтл Пэнгльз, на юге Таинственной Бухты. Здесь его нашел один торговец из Портобелло, который и доставил его в Сент-Киттс. Сперва его хотели было отправить на Ямайку, чтобы там судить, но наш добрый губернатор, сэр Чарльз Эван, не хотел об этом и слышать. «Нет, — сказал он, — это мое мясо, сам его и состряпаю». Если вы у нас будете до завтра, до десяти часов утра, то вы можете поглядеть, как его будут вешать.

— Хорошо бы поглядеть, — печально сказал капитан, — но я и так иду с опозданием. Я уйду сегодня вечером.

— Ну, это невозможно, —

решительно ответил агент. — Разве вы не знаете, что губернатор Сент-Киттса едет с вами?

— Губернатор?

— Ну да. Он получил приказ от правительства явиться немедленно. Судно, привезшее приказ об этом, отбыло в Виргинию. Сэр Чарльз ждал вашего прибытия. Я ему доложил, что вы прибудете еще до дождей.

— Так-то это так! — сказал с беспокойством капитан. — Я — простой моряк, куда уж мне возиться с разными губернаторами и баронетами. Кажется, я и не видал их сроду. Но в то же время я — верный подданный короля Георга. Если

господин губернатор желает отправиться на «Утренней Звезде» в Лондон, я сделаю все, что ему угодно. Я даже уступлю ему собственную каюту. Милости просим! Насчет еды должен сказать, что мы питаемся по будням рубленным мясом с овощами и винегретом, но господин губернатор, если ему наша пища покажется груба, может взять с собой на корабль своего повара.

— Не беспокойтесь, капитан Скарроу, — ответил агент, — сэр Чарльз в настоящее время прихварывает и, по всей вероятности, он все время будет сидеть в своей каюте. Доктор Ларусс

приговорил его было к смерти: у губернатора была перемежающаяся лихорадка, но его подвинутил арест Шаркэ, и он поправился. О, это большой человек, наш губернатор, только разговаривать не любит. Вы уж за это на него не сердитесь, капитан.

— Пусть губернатор делает и говорит все, что хочет, только бы не мешал мне в моих делах, — сказал капитан. — Он — губернатор Сент-Киттса, а я губернатор «Утренней Звезды», и, с позволения губернатора, я уйду сегодня вечером. Ведь и у меня есть обязанности по отношению к губернатору, точно такие же обязанности, как есть у

вашего губернатора по отношению к королю Георгу.

— Едва ли он успеет собраться к вечеру. У него много дел на руках.

— Ну тогда мы уйдем завтра, рано утром.

— Вот и прекрасно. Вещи его я пришлю сегодня вечером, а сам он приедет завтра, если мне, разумеется, удастся его уговорить. Он хотел остаться для того, чтобы присутствовать на казни Шаркэ. Думаю, однако, что я его уговорю. Ведь он должен повиноваться приказу и ехать спешно. С ним, по всей вероятности, поедет и доктор Ларусс.

Когда агент уехал, капитан и

штурман стали готовиться к приезду высокопоставленного пассажира. Для губернатора была приготовлена самая вместительная каюта, которую тщательно убрали. Кроме того, послали в город, где купили несколько бочек фруктов и ящиков с вином.

Вечером на судно привезли багаж губернатора. Матросы втаскивали на палубу и громадные окованные медью сундуки, и небольшие ящики с официальными бумагами, и футляры, в которых хранились треуголки и шпаги.

После этого капитан получил письмо. На конверте красовался дворянский герб, и запечатано оно

было большой печатью. Сэр Чарльз Эван приветствовал в этом письме капитана Скарроу и уведомлял его о том, что приедет завтра, рано утром.

И губернатор сдержал слово. Его шлюпка причалила к пароходу в то время, как серая мгла рассвета только еще начала окрашиваться красными лучами зари. На палубу губернатор вскарабкался не без труда.

Капитану и прежде приходилось слышать, что губернатор — большой чудак, но он ни в каком случае не ожидал увидеть перед собой такое потешное существо. Сэр Чарльз Эван появился на палубе и двинулся вперед, слегка прихрамывая и

опираясь на толстую бамбуковую палку. Голова его была покрыта старомодным париком. Волосы были тщательно завиты и закрывали верхнюю часть лица. Глаза были защищены громадными зелеными очками. Нос у губернатора был тонкий и длинный и придавал его лицу какое-то хищное выражение. Сэр Чарльз Эван далеко еще не оправился от болезни, и шея у него была закутана толстым шарфом. Сверх одежды был надет широкий шелковый халат, опоясанный шнурком. Двигаясь вперед, губернатор поднимал нос вверх и беспомощно оглядывался кругом своими близорукими глазами.

Наконец, он закричал сердитым и высоким голосом, призывая капитана.

Тот подошел.

— Вы получили мои вещи?

— Точно так, сэр Чарльз.

— А вино у вас есть?

— Заказал пять ящиков, сэр.

— А табак?

— Волокнистый крепкий из

Тринадато.

— А в пикет вы играете?

— Играю недурно, сэр.

— Тогда подымайте якорь, и с

Богом!

Дул свежий восточный ветер, и солнце уже проглядывало через утренний туман.

Дряхлый губернатор продолжал хромать по палубе, придерживаясь одною рукою за борт.

— Теперь вы, капитан, очутились на государственной службе, — прокаркал он снова, обращаясь к Скарроу, — правительство по пальцам считает дни, ожидая моего приезда. У вас полный груз на корабле?

— Да, сэр Чарльз.

— Вот и прекрасно. Жаль только, что я — слепой и больной старик. Моя компания не доставит вам удовольствия.

— Совершенно напротив, ваше превосходительство, ваше присутствие — для меня великая

честь. Я очень сожалею о том, что у вас болят глаза.

— Да, да, а все проклятое южное солнце и эти белые улицы Бассетерра.

— Я слышал, что у вас была также перемежающаяся лихорадка?

— Да, лихорадка задала мне хорошую трепку.

— Мы отвели каюту и для вашего врача.

— Ну, едва ли мы дождемся этого плута. Он и не думает ехать. Практика у него в купеческих домах хорошая, вот он и уперся.

Вдруг губернатор поднял вверх руку, украшенную кольцами. С берега донесся глухой пушечный выстрел.

Капитан удивился.

— Это с острова стреляют; уж не сигнал ли это, чтобы мы возвратились назад?

Губернатор рассмеялся.

— А разве вы не слыхали, что сегодня утром должны были повесить пирата Шаркэ? Я приказал сделать залп в тот момент, когда негодяя вздернут на воздух. Мне хотелось знать, когда именно это произойдет. Теперь дело сделано. Шаркэ наступил конец.

— Конец Шаркэ! — подхватил капитан.

Этот возглас был подхвачен всей командой, которая стояла группами на палубе, глядя на красноватую

полоску удаляющегося острова.

Судно выходило при самых счастливых предзнаменованиях в западный океан. Больного губернатора все на корабле полюбили. Все моряки были благодарны ему за избавление от Шаркэ. Если бы не губернатор, негодяя отправили бы на Ямайку, а оттуда он, подкупив судей и полицию, бежал бы.

За обедом губернатор рассказал много анекдотов об умершем пирате. Старик оказался очень любезным и обходительным человеком. Между прочим, он обладал способностью применяться к пониманию людей низших, чем он, по положению.

Капитан и штурман были от него прямо в восторге. Они чувствовали себя свободно, точно с товарищем беседовали, а не с высокопоставленным сановником.

— Ну, а как Шаркэ держал себя на суде? — спросил капитан.

— Ну, на суде он обнаружил присутствие духа. Шаркэ — человек представительный.

— Ну, какой же он представительный! Я слышал, что у него была пребезобразная рожа, — заметил штурман.

— Да, иногда он бывал безобразным, — согласился губернатор.

— А вот один китобой из Нового

Бедфорда говорил мне, что он во всю свою жизнь не забудет глаз этого Шаркэ. Глаза у него были светлые, светло-голубые, а веки красные и в складочках. Правда ли, сэр Чарльз?

— Увы, у меня у самого глаза так слабы, что я не вижу глаз других людей. Но, насколько мне помнится, главный мой адъютант описывал глаза пирата именно так, как вы описываете. И, кроме того, адъютант рассказывал, что глупые присяжные заседатели терялись всякий раз, как подсудимый на них глядел. Этим присяжным надо радоваться, что Шаркэ умер. Шаркэ не оставлял ни одной обиды не отомщенной. Что, если бы он остался жив, да если бы

кто-нибудь из этих присяжных попался ему в руки? Он сделал бы из них всех соломенные чучела.

И, сказав это, губернатор рассмеялся — рассмеялся тонким, пронзительным смехом, напоминающим лошадиное ржание. Моряки тоже рассмеялись. Им пришло на мысль, что Шаркэ — далеко не единственный пират, которого можно встретить в западных морях, и что и их может постигнуть участь, которая постигла бы присяжных заседателей в таком случае, если бы Шаркэ остался жив.

Вина пили много. Окончив одну бутылку, раскупорили другую, а затем губернатор потребовал третью

«для ровного счета». Капитан и штурман отправились после этого выполнять свои обязанности.

Продежурив четыре часа на вахте, штурман снова спустился в каюту и изумился. Губернатор продолжал сидеть за столом, попыхивая трубкой, и перед ним красовались шесть пустых бутылок.

«Ну, — подумал штурман, — хорошо еще, что нам пришлось пить с губернатором Сент-Киттса в то время, как он болен. Упаси Боже, попасть к нему в компанию в то время, как он здоров».

Путешествие «Утренней Звезды» было благополучно, и через три недели она очутилась у устья

Британского канала. Больной губернатор с первого же дня начал поправляться и сделался энергично деятелен. Люди, защищающие пользу вина, могли бы сослаться на его пример, ибо он повторял каждый вечер то же самое, что проделал в первый день. Несмотря на это, он вставал рано и уже при первых лучах восходящего солнца выходил на палубу и беседовал с матросами. При этом он страшно интересовался всем, что касалось управления кораблем. Если бы не слепота губернатора, он ни в чем не уступил бы никому на судне. Но и это неудобство было устранено. Капитан приставил к губернатору спасенного

им уроженца Новой Англии. Этот рослый моряк водил его по кораблю и садился возле него по вечерам, когда губернатор играл в карты. Без посторонней помощи губернатор не мог бы счесть выигрыша или отличить короля от валета.

Этот Эвансон служил губернатору с удовольствием, и это было вполне естественно. Ведь Эвансон был жертвою негодяя Шаркэ, а губернатор отправил этого Шаркэ на виселицу. Американец с величайшим удовольствием сопровождал губернатора на его прогулках, а по вечерам с величайшим удовольствием стоял за его стулом и подавал ему прикуп.

Губернатор почти всегда выигрывал, и когда «Утренняя Звезда» стала подходить к Англии, в карманах капитана и старшего штурмана оставалось очень немного.

Скоро морякам пришлось узнать, что у сэра Чарльза Эвана преотвратительный характер. Противоречий он не выносил совершенно. При малейшем намеке на противоречие нос его поднимался кверху, а бамбуковая трость начинала свистать по воздуху. Однажды он съездил палкой по голове плотника за то, что тот его случайно толкнул, проходя по палубе.

Кроме того, случилась такая история: матросы были недовольны

пищей и ворчали. Капитан опасался бунта. Услышав об этом, губернатор сразу же вспылil. Он воскликнул, что с этими собаками разговаривать нечего, а надо выколотить из них бунтовство палками.

— Дайте мне нож и дубину, — кричал он, — и я расправлюсь как следует с их коноводом!

Насилу, насилу капитан Скарроу отговорил его от его намерения. Он напомнил ему, что на море убийство карается гораздо строже, чем на земле.

В политике губернатор был ярким сторонником Ганноверского дома и клялся, что готов пристрелить на месте всякого якобита.

Не смотря, однако, на всю свою необузданность, сэр Чарльз Эван был приятнейшим человеком. Он отлично умел рассказывать и помнил массу анекдотов. Никогда Скарроу и Морган не проводили времени так приятно.

И вот, наконец, настал последний день путешествия. «Утренняя Звезда» сделала стоянку у Бичи-Хед. Был вечер; судно тихо качалось в недвижимом море, в нескольких милях от Винчельса. Вдали виднелись темные очертания Дондженесса. На следующее утро они должны были взять проводника в Форланд, а вечером сэр Чарльз должен был предстать перед

королевскими министрами в Вестминстере. На вахте стоял боцман, а три приятеля собрались в последний раз в каюте поиграть в карты. Высокий американец стоял за креслом губернатора и служил ему. На столе было много денег, так как моряки сделали попытку отыгаться. Губернатор вдруг бросил карты, взял все деньги и положил их себе в карман.

— Игра моя, — произнес он.

— Ну тише, тише, сэр Чарльз, не так скоро! — воскликнул капитан Скарроу. — Игра еще не сыграна, и мы вовсе не проиграли.

— Молчите, вы, лгун! — произнес губернатор. — Я говорю

вам, что я выиграл, а вы проиграли.

И, говоря эти слова, он сорвал с себя парик и очки.

Моряки увидали высокий лоб, плешивую голову и пару пронзительных голубых глаз с красными, как у ищейки, веками.

— Боже мой, да это Шаркэ! — воскликнул штурман.

Моряки вскочили со стульев, но высокий американец вынул из кармана пару пистолетов и направил их на капитана и штурмана. Мнимый губернатор также вынул пистолет из кармана, положил его перед собою на карты и разразился пронзительным, похожим на лошадиное ржанье, смехом.

— Имя мое, джентльмены, капитан Шаркэ, — сказал он, — а это — Нэд Галловей, по прозванию Ревун, квартирмейстер «Счастливого Освобождения». Мы поссорились с нашей сволочью и нас высадили: меня на землю, а его в лодку без весел. Ах, вы, собаки! Жалкие, подлые и трусливые собаки! Наконец-то, мы вас держим в своей власти!

— Вы можете нас застрелить! — крикнул Скарроу, ударяя себя в грудь. — Пусть пройдет моя последняя минута, Шаркэ, но я скажу, что вы кровопийца, и что вас ждут адские мучения.

Пират потер руки и произнес:

— Эге, это человек храбрый! Этот человек вроде меня! Я с удовольствием посмотрю, как он будет умирать. Теперь пусть он передохнет немножко. Скажи-ка, Нэд, большая лодка готова?

— Точно так, капитан.

— А другие лодки ты просверлил?

— В каждой по три дыры.

— Ну, в таком случае мы должны покинуть вас, капитан Скарроу. У вас такой вид, точно вы не можете опомниться. Не хотите ли вы о чем-нибудь попросить меня?

— Я полагаю, что вы сам дьявол! — воскликнул капитан. — Но где же губернатор Сент-Киттса?

— Когда я видел его превосходительство последний раз, он лежал в своей постели с перерезанным горлом. Убежав из тюрьмы, я узнал от своих друзей, что губернатор отправляется в Европу на корабле, капитана которого он никогда не видал. И вот я вскарабкался на балкон его дома и уплатил ему маленький должок. А затем я прибыл к вам, капитан, захватив нужные вещи и взяв пару очков, которые должны были скрыть мои глаза. Губернатора, как вы знаете, я разыграл хорошо... Ну, а теперь, Нэд, нам пора с ними расправляться.

— На помощь! На помощь!

Вахтенный, сюда! — закричал
штурман.

Шаркэ поднял пистолет: грянул
выстрел, и штурман упал на пол.

Скарроу бросился к двери, но
Нэд Галловей предупредил его и,
охватив одной рукой за талию, другой
зажал рот.

— Напрасно, право напрасно,
господин Скарроу, — произнес
Шаркэ, — становитесь-ка лучше на
коленки да просите, чтобы я вас
помиловал.

— Черт тебя дери! — кричал
Скарроу, стараясь вырваться из рук
американца.

— Ну-ка, выверни ему руку, Нэд.
А что, теперь вы станете на колени?

— Ни за что на свете, хоть оторви мне руку прочь!

— Ну-ка всунь ему нож в тело на один дюйм.

— Всовывай хоть на шесть! Все равно не стану просить о помиловании.

— Черт меня возьми, а он мне нравится! — воскликнул Шаркэ. — Положи нож в карман, Нэд. Вы спасли свою шкуру, Скарроу, и мне, право, жаль, что такой смелый человек, как вы, не избрал моей карьеры. Порядочные люди в мое время только и могут заниматься пиратством. Очевидно, Скарроу, вам не суждена обыкновенная смерть. Вы были в моих руках и остались живы,

а это много значит. Свяжи-ка его, Нэд.

— А потом положить в печку?

— Потихе. Видишь, в печке огонь. Пожалуйста, без твоих дурацких шуток, Нэд Галловей, я не просил тебя шутить. Если будешь говорить дерзости, то я тебе напомним, кто из нас капитан и кто квартирмейстер. Привяжи его к столу.

— Ну, вот. А я думал, что вы хотите его зажарить, — ответил американец. — Неужто вы оставите его в живых?

— Послушай, Нэд, если нас с тобой ссадили с судна вдвоем, то это еще не значит, что я перестал быть

твоим начальником. Ты должен мне повиноваться, мерзавец ты этакий, а то смотри ты у меня.

— Ну, ну, капитан Шаркэ, не сердитесь, — проговорил американец, а затем поднял капитана Скарроу, как ребенка, и положил его на стол.

Быстро и ловко связав его по рукам и ногам, он привязал его после этого к столу. Рот ему он заткнул большим шарфом, который прежде украшал шею губернатора Сент-Киттса.

— Ну, капитан Скарроу, теперь мы должны с вами проститься. Если бы у меня было полдюжины моих смелых ребят, я бы заполучил и ваш

груз, и ваш корабль. Но Нэд Ревун не мог найти среди вашей сволочи ни одного подходящего человека. По соседству здесь плавают несколько рыболовных судов, и одним из них мы завладеем. Когда у капитана Шаркэ есть лодка, он может получить рыболовное судно. Имея рыболовное судно, он получит бриг; имея бриг, он получит барку, имея барку, он получит вооруженный пушками корабль. Торопитесь же в Лондон, а то я вернусь, пожалуй, назад, да и отыму у вас «Утреннюю Звезду».

Капитан Скарроу слышал, как повернулся ключ за вышедшими пиратами. Затем он услышал их шаги

на палубе. Они подошли к корме и стали отвязывать большую лодку. Скарроу начал рваться. Раздался плеск волны; лодка была уже на воде. Еще с большим бешенством он старался освободиться. Наконец, ему это удалось, и он упал со стола прямо на тело убитого штурмана. Он вскочил, выломал дверь и бросился без шляпы на палубу.

— Сюда! Петерсон, Эрмитаж, Вильсон, сюда! Тащите ножи и пистолеты! Спускайте большую лодку! Видите вон ту лодку? В ней находится пират Шаркэ! Влезайте в лодку все! Надо его непременно изловить.

Лодки были спущены, но сейчас

же начали тонуть.

— Лодки просверлены! —
закричали матросы. — Они текут как
решето!

Капитан крепко выругался. Он
был побежден окончательно.
Безоблачное, покрытое звездами
небо висело над морем; не
чувствовалось ни малейшего ветерка,
и паруса чуть заметно колыхались в
лунном сиянии.

Вдали виднелось рыболовное
судно. На его палубе работали над
неводом несколько рыбаков.
Маленькая лодочка приближалась к
этому рыболовному судну, ныряя в
волнах, освещенных месяцем.

— Эти рыбаки погибли! —

воскликнул капитан. — Крикните-ка им, ребята, пошибче! Надо их предупредить об опасности.

Но было уже поздно.

Как раз в эту минуту лодочка приблизилась к рыболовному судну. Раздались два пистолетных выстрела, затем стон, а затем снова пистолетный выстрел, после которого наступило молчание. Кучка рыбаков исчезла. И вдруг — от берегов подул ветер, паруса рыболовного суденышка стали надуваться, и оно медленно поплыло к Атлантическому океану.

Глава II. Как поступил капитан Шаркэ со Стефэном Краддоком

Кренгование^[2] совершенно необходимо для хорошего пирата. Пиратское судно должно быть быстроходно. Только в таком случае оно и может нагнать купеческое судно или спастись от военного. Но как сохранить быстроходность корабля? Для этого нужно время от времени — раз в год, по меньшей мере, — очищать дно корабля от морских растений и раковин, к нему прилипающих. Особенно много этих раковин в тропических морях.

Для того, чтобы очистить корабль, его облегчают от груза и вводят в какую-нибудь укромную и мелководную бухточку. Здесь к мачтам прикрепляются канаты на

блоках, и судно кладется на бок таким образом, чтобы его подводная часть вышла из воды. После этого вся внешняя часть корабля, начиная от кормы и кончая носом, чистится самым усердным образом.

В период кренгования, длящегося несколько недель, корабль становится, разумеется, беззащитным, но, с другой стороны, к нему невозможно приблизиться груженому и вооруженному судну. Кроме того, кренгование производится втайне, и о том, где оно происходит, никто не знает.

Пираты-капитаны кренгующихся кораблей умели устраиваться так, что им не грозила никакая опасность.

Иногда они даже, оставив кренгующееся судно под присмотром нескольких людей, сами отправлялись в большой лодке в увеселительную экспедицию. Чаще всего пираты в это время кутили в соседних портах, ухаживали за женщинами или поили обывателей на площадях вином, угрожая смертью каждому, кто откажется от угощения.

Иногда пираты появлялись даже в таких городах, как Чарльстон, и разгуливали по его улицам, гремя саблями и открыто насмехаясь над правосудием. Не всегда, впрочем, эти выходки сходили пиратам безнаказанно. Все помнят, например, как лейтенант Майнар отрубил

голову пирату, который был известен населению под именем Черной Бороды. Голова преступника была прибита гвоздями к носовой части его же корабля.

Но такие случаи были сравнительно редки. В большинстве же случаев пираты скандалили и безобразничали безо всякой помехи, а затем снова и без всяких препятствий уходили в море грабить.

Единственным пиратом, который никогда не показывался в прибрежных городах, был зловещий Шаркэ, капитан «Счастливого Освобождения». Шаркэ был мрачный, необщительный и злой человек; кроме того, на нем тяготело

слишком много отвратительнейших преступлений. Вот причины, в силу которых он не осмеливался показываться в местах, где жили покорные закону люди.

Когда нужно было чистить судно, Шаркэ поручал присмотр за ним своему главному квартирмейстеру Нэду Галловею, а сам отправлялся в лодке в продолжительное путешествие. Одни говорили, что пират в этих случаях отвозил в укромное место свою долю добычи, но в то же время доподлинно было известно, что в это время Шаркэ любил охотиться за дикими быками в Испаньоле. Эти животные приготавливались

особенным образом, жарились целиком и грузились затем на баржу. Шаркэ предварительно условливался с Нэдом Галловеем о месте встречи. «Счастлиное Освобождение» приходило в условленное место и брало на борт своего начальника и убитых им быков.

Жители острова поклялись изловить Шаркэ во время одной из этих экспедиций. И вот однажды в Кингстоне было получено известие такого рода, что на его основании становилось возможно попытать счастья и изловить пирата.

Известие привез старый дровосек, попавший в руки Шаркэ, но спасшийся каким-то чудом:

Шаркэ в это время пьянствовал и был в благодушном настроении. По отношению к дровосеку он ограничился «пустяками»: наказал его палками, разрезал нос и затем отпустил на все четыре стороны.

Рассказ дровосека был точен и толков. Он сообщил, что «Счастлиное Освобождение» кренгуется в Торбеке, к юго-западу от Испаньолы, а сам Шаркэ с четырьмя пиратами охотится на соседнем Коровьем острове.

Кровь многих сотен зарезанных пиратами моряков взывала к отмщению. Надо было попытаться изловить злодея.

Сэр Эдвард Кэмптон, губернатор

Кингстона, человек с красным лицом и большим носом, немедленно же приступил к торжественному совещанию с комендантом и президентом совета. Из этого совещания ничего не вышло, и сановники решительно не могли придумать, каким способом изловить пирата. Военных судов ближе Джемстоуна не было, да и там стояло только одно старое и тихоходное суденышко. Нечего было и мечтать о том, чтобы это судно догнало пирата в открытом море или же подстерегло его в Торбекской бухте. Солдат, годных для экспедиции, тоже не было. В Кингстоне и Порт-Рояле стояли только артиллеристы.

Вообще администрация оказывалась бессильной, нужно было обратиться к личной инициативе частных лиц.

В Кингстоне многие ненавидели Шаркэ смертельной ненавистью, но что могли сделать эти люди? Пиратов было много, и они были свирепы. Предположим, что можно отправиться прямо на Коровий остров и устроить облаву на Шаркэ и его четырех товарищей, но как их там найти? Остров весь покрыт лесом, и на нем на каждом шагу попадаются горы и непроходимые джунгли.

И вот губернатор объявил, что выдаст награду тому, кто укажет, как поймать Шаркэ. В результате

появился человек, у которого был свой собственный план экспедиции, и, мало того, он брался сам привести этот план в исполнение.

Стефэн Краддок был человек незаурядный, это был пуританин, сбившийся с пути истинного. Вышел он из хорошей семьи, жившей в Салеме, и многие говорили, что его порочность была протестом против сурового религиозного воспитания, полученного им в детстве. Встав на стезю порока, он принес туда громадную физическую силу и энергию, полученную им от предков. Краддок был изобретателем, неустрашим и упорен в преследовании намеченных целей.

Он был еще совсем молод, когда имя его гремело по всему американскому побережью.

В молодости этот Краддок убил вождя семинолов. За это его судили в Виргинии, и ему угрожала смертная казнь. Краддок был оправдан, но все знали, что этим оправданием он обязан подкупу свидетелей и судьи.

Впоследствии Краддок занимался работоторговлей и, как сплетничали, пиратством. Так или иначе, в Беннине о Краддоке ходили дурные слухи, но с годами он остепенился и вернулся на постоянное жительство в Ямайку. Теперь он был человек богатый, жил одиноко и сильно кутил.

Таков был этот худощавый, суровый и опасный человек. Он-то и предложил губернатору свой план истребления Шаркэ.

Принял его сэр Эдвард далеко не с восторгом. Несмотря на то, что в городе говорили, что Краддок исправился и стал совсем другим человеком, губернатор продолжал глядеть на него как на паршивую овцу, которая может испортить все его маленькое стадо.

Видя сухое и вежливое обращение с ним сэра Эдварда и прекрасно понимая причины этой холодности, Краддок сказал:

— Не бойтесь меня, сэр. Я стал совсем другим человеком. Многие

годы я блуждал во мраке греха, но теперь снова увидел свет. Обязан я этим своему земляку, преподобному Джону Симонсу. Побеседуйте с ним, советую вам: вы получите от него большую духовную пользу.

Губернатор принадлежал к епископальной церкви, и поэтому совет Стефэна Краддока ему совсем не понравился.

— Но мы, кажется, должны беседовать о Шаркэ, мистер Краддок, — произнес он сухо.

— Муж Шаркэ есть сосуд гнева, — ответил Краддок, — рог его беззакония переполнился, и я имею такую мысль, что сделаю богоугодное дело, если мне удастся его истребить.

Если я его истреблю, мне простится много грехов, совершенных мною в моей неразумной молодости. Провиденье открыло мне, каким образом я могу истребить Шаркэ.

Губернатор страшно заинтересовался. Мрачный и деловитый вид его собеседника, выражение его рябого лица свидетельствовали о том, что он говорит совершенно серьезно. Как бы там ни было, а Стефэн Краддок опытный моряк и воин, и, кроме того, ему хочется загладить свое прошлое — искупить свои грехи перед Богом. Лучшего человека для такого дела и найти нельзя.

— Но ведь это очень опасное

дело, мистер Краддок, — сказал он.

— Ну, что же? Если я и погибну, то этим искупится моя грешная жизнь. Мне приходится многое отмаливать.

Губернатор не нашел, что возразить на эти слова.

— В чем же заключается ваш шанс? — спросил он.

— Вы, может быть, слышали о том, что барка капитана Шаркэ «Счастлиное Освобождение» происходит из этого самого порта, из Клатерона?

— Как же, слышал. Она принадлежала Кодрингтону, но была захвачена Шаркэ, — ответил сэр Эдвард.

— Совершенно верно, но знаете ли вы, что у Кодрингтона есть барка, как две капли воды похожая на «Счастливого Освобождение»? Эта барка называется «Белой Розой». Она и сейчас стоит в нашей гавани. «Белая Роза» окрашена в белую краску, но если ее выкрасить в черную, то она станет двойником «Счастливого Освобождения».

Губернатор ничего не понял, но сделал вид, что понимает, и спросил:

— Ну, и что же дальше?

— А то, что эта барка отдает в наши руки этого человека.

— Но каким же образом?

— Я выкрашу ее в черный цвет, я приведу ее в такой вид, что она

станет похожа на «Счастлиное Освобождение», и отправлюсь на ней на Коровий остров, где этот человек бьет теперь диких быков. Увидав мою барку, он примет ее за свою, и войдет на нее на свою же собственную погибель.

План был очень прост; губернатору он показался хорошим и легко осуществимым. И, не колеблясь, он дал Краддоку разрешение действовать, как ему угодно. Впрочем, сэр Эдвард не особенно рассчитывал на успех. Попытки изловить Шаркэ делались уже не раз, и результат этих попыток показал, что хитрость и лукавство Шаркэ не уступали его свирепости.

Но что же из этого? Этот мрачный пуританин был так же хитер и безжалостен, как и Шаркэ.

Состязание между Шаркэ и Стефэном Краддоком показалось губернатору очень интересным. Он был прирожденный спортсмен. В глубине души он не верил в победу Краддока, но Краддок оказывался его «фаворитом», и он поэтому добросовестно поддерживал его, так же добросовестно, как если бы он держал пари за какую-нибудь лошадь или петуха.

С предприятием нужно было изо всех сил торопиться, нужно было осуществить его ранее, чем «Счастливое Освобождение»

закончит свою чистку. Если пираты успеют уйти в море, тогда все пропало. К счастью, однако, хлопот оказалось немного, команду судна на вербовали скоро, так как в людях, желающих посчитаться с Шаркэ, недостатка не было.

«Белая Роза» вышла в море уже на второй день. В порту было много моряков, которые видали барку капитана Шаркэ, и все они согласно утверждали, что между «Белой Розой» и «Счастливым Освобождением» нет никакой разницы.

Белый корпус барки был выкрашен в черный, ее мачты и реи умышленно закопчены. Судно имело

теперь такой вид, что можно было думать, что оно долгое время уже находилось в море. Для полного сходства к передней стене пришили большой лоскут, изображавший бриллианты.

Команда была набрана из охотников. Среди этих людей многие совершали плавания со Стефэном Краддоком в прежние времена. На первом плане стоял штурман Иосия Герд; прежде он был работорговцем и при его помощи Краддок совершил много преступлений. В отношениях они находились хороших до сих пор, и Герд явился на «Белую Розу» по первому призыву своего патрона.

И вот это несущее с собой месть

и правосудие судно понеслось по Карибскому морю. Маленькие рыболовные суда, видя еще издали страшный парус с цветным лоскутом, в перепуге улепетывали в разные стороны.

После четырехдневного путешествия барка миновала порт Абаку.

На пятый день она уже бросила якорь в Черепашьей бухте Коровьего острова, на котором охотился Шаркэ со своими четырьмя сообщниками. Весь остров густо зарос пальмами и кустарником. Песчаный берег шел полукругом и напоминал серебряный полумесяц. Следов присутствия людей не было никаких.

Приходилось ждать.

И вот барка выкинула черный флаг и красный вымпел. Ответа никакого. Напрасно Краддок всматривался в море, стараясь разглядеть лодку, на которой Шаркэ приближается к кораблю. Ничего не было видно.

Так прошла ночь, затем прошел день, а затем снова ночь. О Шаркэ и пиратах не было и помина. Было похоже на то, что «Белая Роза» опоздала, и что Шаркэ уже покинул Коровий остров...

На следующий день Краддок сошел на берег на поиски. То, что он нашел там, вселило в него новую уверенность в успехе. В одном

укромном местечке в лесу был найден целый склад провяливаемого мяса. Было ясно, что пираты все еще находятся на острове.

Но почему же они до сих пор не показывались? Неужели они заподозрили обман и поняли, что их хотят заманить на борт чужого корабля? Или, может быть, они все это время охотились внутри острова, вдали от берега, и не успели еще увидеть барки?

Краддок колебался и не знал, что ему делать. Сомнения его были разрешены случайно встретившимся индейцем, который сообщил, что пираты находятся на острове, в расстоянии одного дня ходьбы от

морского берега. Индеец бранил пиратов и говорил, что они отняли у него жену. Он показал свою спину, она была вся в багровых рубцах от полученных ударов.

— Враги моих врагов — мои друзья, и я укажу господину, где находятся эти люди, — закончил свой рассказ индеец.

Краддоку ничего иного и не было нужно. И вот ранним утром маленькая экспедиция, вооруженная и снаряженная как следует, двинулась, следуя за индейцем-караибом, в глубь острова. Целый день они пробирались через кусты и карабкались по скалам; кое-где они встречали следы охотников — кости

убитого быка, следы ног на болоте. К вечеру они слышали отдаленные выстрелы.

Ночь экспедиция провела в лесу, под открытым небом. На рассвете встали и снова двинулись вперед. Около полудня добрались до нескольких шалашей из древесной коры. Проводник-индеец сообщил, что это и есть стоянка охотников. В шалашах, однако, никого не было. Очевидно, пираты ушли на охоту и вечером возвратятся. Краддок и товарищи засели в кусты — поджидать, но так никого и не дождались. Так прошла вторая ночь.

Все средства были, таким образом, испробованы. Краддок,

оставивший свой корабль два дня назад, решил вернуться.

Обратный путь был совершен гораздо скорее и легче, так как дорога была известна. Еще до вечера Краддок и товарищи достигли Черепашьей бухты. «Белая Роза» стояла на якорь на прежнем месте. Лодки и весла находились в кустах, опять-таки на своем месте. Краддок велел спустить лодку на воду, и путники двинулись к барке.

Первым, кого они увидели, был Иосия Герд. Лицо его было бледно. Выглядывая из-за кормы, он крикнул:

— Видно, нет удачи?

— Да, стоянка оказалась пустой, но он, может быть, еще подойдет

сюда, — ответил Краддок, хватаясь за веревочную лестницу и готовясь взлезать на корабль.

Кто-то на палубе засмеялся, а Иосия произнес:

— Прикажете-ка, Краддок, этим людям остаться в лодке.

— Это почему?

— Да вы сами это увидите, как взойдете на палубу, — каким-то странным тоном ответил Иосия Герд.

Краддок рассердился.

— Что это значит, мистер Герд?! — воскликнул он, вскакивая на борт судна. — Никак вы присвоили себе команду над судном?

Но в то время, как Краддок перелезал через парапет палубы, к

нему приблизился матрос с бородой цвета пакли — этого человека он прежде никогда не видал — и, схватив его за руку, вырвал у него пистолет. Краддок схватил этого человека за руку, но в это время к нему приблизился Иосия Герд и сорвал с него кортик.

— Что это за подлости?! — воскликнул Краддок, бешено оглядываясь во все стороны.

Команда стояла на палубе маленькими группами. Люди перешептывались между собою и смеялись. Никто не обнаруживал желания подойти к Краддоку и освободить его.

Краддок был слишком

взволнован, чтобы наблюдать происходящее вокруг него, но, однако, он заметил, что команда была одета очень странно. Одни были облачены в верховые костюмы, другие были в бархатных платьях и шелковых чулках, подвязанных у колен пестрыми лентами. Все эти господа походили более на светских людей, чем на моряков. Глядя на эти странные фигуры, Краддок подумал, что он грезит, и, чтобы очнуться, начал сам трясти себя за голову. Палуба стала гораздо грязнее, чем она была два дня тому назад. И кто это такие — эти люди, так пристально всматривающиеся в него? Никого из них, кроме Иосии

Герда, Краддок не знал.

Уж не захватили ли барку, за его отсутствием, пираты? Уж не пираты ли капитана Шаркэ окружают его в настоящую минуту?

Когда Краддоку пришла в голову эта страшная мысль, он дико рванулся назад и пытался спуститься назад в лодку, но, увы, было поздно. Полдюжины рук вцепились в него, и через несколько секунд он очутился у дверей собственной каюты.

И каюта стала совсем другой. И пол, и потолок, и обстановка — все было совсем другое. Его собственная каюта была убрана с суровой простотой, а эта, в которой он теперь стоял, поражала одновременно и

роскошью, и грязью. Занавеси из дорогого бархата были забрызганы вином, панели из редкого дерева были все в дырах от пистолетных пуль. На столе была разостлана большая карта Карибского моря, а над нею, с компасом в руке, сидел гладко выбритый и бледнолицый человек в меховой шапке и красном шелковом халате. Краддок взглянул на длинный, тонкий, с открытыми ноздрями нос и смертельно побледнел.

На Краддока были устремлены насмешливые глаза с красными веками. Шаркэ молчаливо насмеялся над противником, которого он так ловко обошел.

— Шаркэ! — воскликнул Краддок.

Тонкие губы Шаркэ открылись, и он расхохотался пронзительным, издевательским смехом.

— Ах ты, дурак! — воскликнул он.

И, приблизившись к Краддоку, он ударил его несколько раз по плечу своим компасом.

— Ах ты, дурак, жалкая тупица! С чего это тебе вздумалось бороться со мною?

Не боль от этих ударов, но презрение, звучавшее в голосе Шаркэ, довело Краддока до дикого безумия. С криком бешенства он кинулся на пирата... Шесть человек

едва-едва успели сладить с ним и повалить его на пол, среди обломков разбитого вдребезги стола. И все эти шесть человек были более или менее серьезно помяты Крадкоком. Шаркэ продолжал смотреть на него презрительным взглядом.

Откуда-то вблизи донесся треск ломающегося дерева и крики испуганных людей.

— Это что такое? — спросил Шаркэ.

— Потопили лодку, а люди все пошли ко дну.

— Ну, и пускай их там лежат, — ответил пират. — Ну, Краддок, теперь вы знаете, куда попали. Вы находитесь на моем корабле, и ваша

жизнь зависит от моей воли. Я знаю, что, живя на берегу, вы были добрым моряком, и тогда ваши руки были не чище моих. Хотите ли подписать условие, как сделал это ваш штурман, и присоединиться к нам, или я вас отправлю туда, где находятся все ваши товарищи.

— Где моя барка? — спросил Краддок.

— В бухте, с просверленным дном.

— А команда?

— Тоже в бухте.

— В таком случае я тоже хочу идти в бухту.

Шаркэ скомандовал:

— Подрезать ему коленные

жилы и бросить его в воду!

Дюжие матросы потащили Краддока на палубу. Квартирмейстер Галловей вытащил уже свой нож и готовился произвести над ним ужасную операцию, как вдруг из капитанской каюты поспешно вышел капитан Шаркэ.

— Стойте! Мы с этой собакой расправимся гораздо лучше, — сказал он. — Ей-Богу, мне в голову пришел великолепный план. Закуйте его в оковы и бросьте его в трюм. А ты, квартирмейстер, иди ко мне: я скажу тебе, что надумал.

Таким образом, Краддок, избитый, израненный, был брошен в темный трюм.

Он был скован так, что не мог двинуть ни рукой, ни ногой. Но дух его был бодр. Он не отчаивался, а, совершенно напротив, жаждал мученической смерти, которой мог бы искупить свои прежние грехи. Всю ночь лежал он на корабле, прислушиваясь к всплескам воды. Корабль был, очевидно, уже в ходу и шел чрезвычайно быстро. Рано утром кто-то пришел к нему. В темноте он узнал по голосу пришедшего. Это был изменивший ему штурман Иосия Герд.

— Вот ром и бисквиты, мистер Краддок. Я принес их вам с опасностью для жизни.

— О! Это ты заманил меня в

ловушку и предал меня врагам? — воскликнул Краддок. — Как ты оправдаешься в этом поступке?

— Мистер Краддок, я сделал это не по доброй воле: мне угрожала смерть.

— Ну, Бог простит тебя за трусость, Иосия Герд; но как ты попал к пиратам?

— Видите ли, мистер Краддок, пиратское судно пришло в бухту как раз в тот день, когда вы отправились на остров. Они взяли нас на abordаж. Нас было мало, и мы были плохо вооружены — ведь вы взяли с собой самых лучших людей, — ну, одним словом, мы могли оказать им только самое слабое сопротивление, и они

победили. Некоторые из нас были убиты в бою, других зарезали после; я спас себе жизнь, подписавши с ними условие.

— А барку они, значит, затопили?

— Да, затопили. А потом Шаркэ и его спутники, наблюдавшие за нами из-за кустарников, прибыли на корабль. Видите ли, мистер Краддок, во время последнего путешествия на барке у пиратов была сломана бурей главная рея, а у нас-то главная рея цела. Вот они и заподозрили неладное. Ну, стало быть, он и поставил вам ту самую ловушку, которую вы готовили для него.

Краддок простонал.

— Боже мой! Но как же я мог знать, что у них грот-рея поломана!.. Но куда же мы теперь идем?

— Мы идем в северо-западном направлении.

— В северо-западном направлении? Так, стало быть, мы идем назад к Ямайке?

— Да, со скоростью восьми узлов в час.

— А не слыхал ли ты, что они собираются со мной делать?

— Не слыхал. Вот, если бы вы подписали условие...

— Довольно, Иосия Герд! У меня и без того много грехов. Губить своей души не стану.

— Как хотите. Я сделал все, что

мог. Прощайте.

Всю ночь и весь следующий день «Счастливое Освобождение» несло по волнам моря. Стефэн Краддок лежал в трюме и старался высвободить руку из оков. Одну руку ему удалось высвободить, хотя он изорвал себе кожу на ней до крови, но с другой рукой он ничего не смог поделать. Ноги также были закованы очень крепко, и что он ни делал, никак не мог освободить их от кандалов.

По некоторым данным Краддок догадывался, что корабль идет с необычайной быстротой. Очевидно, скоро они придут в Ямайку. Что за план в голове Шаркэ, и зачем он

оставил его в живых?

Краддок стиснул зубы и поклялся, что если он был негодяем по доброй воле раньше, то никогда не станет он негодяем по принуждению.

На следующий день утром Краддок услышал, что на палубе убирают паруса, и что корабль идет гораздо медленнее. По звукам, доносившимся с палубы и по многим другим данным он, как опытный моряк, догадывался, в чем дело. Очевидно, судно маневрировало около берегов, выбирая место, чтобы бросить якорь. Значит, они прибыли в Ямайку. Но что им здесь нужно?

И вдруг над его головой на палубе раздалось дружное «ура», а

затем грянул выстрел из орудия. Издали донеслись ответные салюты. Краддок сел и начал прислушиваться.

— Что это такое? Уж не вступили ли с кем-нибудь Шаркэ в бой?

Но нет, очевидно. Стреляли только из одной пушки, а отвечали из многих. И в то же время не слышно, чтобы где-либо вблизи судна взрывались снаряды. Стало быть, это не сражение, а салюты. Но кто станет салютовать пирату Шаркэ? По всей вероятности, он встретился с другим пиратским судном.

Краддок простонал, лег на спину и снова стал работать над освобождением своей правой руки.

Но вот где-то вблизи

послышались шаги, и едва успел Краддок надеть на себя цепь, которую снял раньше, как дверь отворилась, и в трюм вошли два пирата.

В темноте раздался голос высокого квартирмейстера.

— Молоток взял, плотник? Раскуй ему ноги, а браслетки оставь, так будет безопаснее.

Плотник начал работать, и скоро Краддок почувствовал, что его ноги свободны.

— Что вы хотите со мной делать? — спросил Краддок.

— А вот иди и увидишь.

Матрос схватил его за руку и грубо подтащил к своему товарищу.

Прямо над их головами был виден квадрат голубого неба, а на бизань-мачте развевался флаг. Душа Стефэна Краддока замерла, когда он увидел эти флаги. Их было два. Над черным пиратским флагом развевался флаг британский. Над знаком негодяйства виднелось знамя чести и славы.

В изумлении стоял он, но пираты грубо толкнули его в спину, и он полез по лестнице. Взойдя на палубу, он снова оглянулся. На главной мачте тоже развевался британский флаг, и вся оснастка была изукрашена вымпелами и флажками.

Что же это такое? Взят, что ли, корабль Шаркэ в плен? Но нет, все

пираты здесь налицо. Они толпятся около парапета, радостно машут шапками и кричат. На самом видном месте стоит ренегат штурман и усердно жестикулирует. Краддок взглянул на море. Кого это они приветствуют? И тут он сразу увидел, в чем дело. Момент был критический. Не далее, как в миле, виднелись белые укрепления и дома Порт-Рояля. Над домами повсюду развевались флаги. Направо виднелась дорога в Кингстон, а в море, не далее как в четверти мили от судна, белела небольшая шлюпка, на которой развевался британский флаг. Вся оснастка шлюпки была также изукрашена вымпелами. В

шлюпке находилось много людей.

Все они кричали «ура» и махали шапками. По красному цвету некоторых костюмов можно было догадываться, что среди находившихся в шлюпке людей были и офицеры местного гарнизона. В одно мгновение Краддок понял, в чем заключается план Шаркэ. Этот человек, дьявольски лукавый и смелый, задумал страшное дело. Он устроил такую обстановку, что жители острова приняли его судно за «Белую Розу», вообразили, что это возвращается Краддок с победой. Все эти салюты, все эти флаги были в честь его, Краддока! И его, Краддока, приветствовать идет эта шлюпка, в

которой находятся комендант, губернатор и все начальство острова. Еще десять минут, и шлюпка очутится под выстрелами «Счастливого Освобождения», а Шаркэ прославит себя так, как не прославил себя ни один император.

Увидав Краддока, шедшего между квартирмейстером и плотником, Шаркэ крикнул:

— Выведите его вперед! Наводите пушки! Еще два кабельтова, и они в нашей власти.

— Но они пошли назад! — крикнул боцман. — Видно, они почуяли неладное.

— Это мы сейчас исправим, — сказал Шаркэ, устремляя свои

змеиные глаза на Краддока. — Становись-ка сюда, вот сюда! Они тебя отсюда узнают. Возьмись рукой за шляпу, сними шляпу! Махай ею! А то я тебе живо вышибу мозги из башки. Ну-ка, Нэд, пошали с ним ножичком... Вот так. Ну, что же? Будешь ли махать шляпой? Нечего делать, Нэд, ткни его еще разок. Эй, стой! Держи его, стреляй, лови его!

Но было уже поздно. Надеясь на то, что руки пленного крепко закованы в кандалы, Нэд Галловей выпустил на минуту руки пленного из своих, и Краддок немедленно воспользовался этим моментом. Швырнув наземь державшего его плотника, он вспрыгнул на парапет

палубы, а затем, преследуемый целым дождем пистолетных пуль, бросился в воду и поплыл.

Пираты продолжали стрелять, но много пистолетов нужно для того, чтобы убить решительного и сильного человека, который решил сделать свое дело прежде, чем умереть.

Краддок плавал хорошо и, несмотря на полученные раны, быстро начал удаляться от пиратской барки. Шаркэ крепко выругался и крикнул:

— Подайте мне мушкет!

Он был отличный стрелок. Нервы у него были железные, и он не терялся никогда. Голова пловца

превратилась в черную точку, которая то показывалась, то скрывалась в волнах.

Краддок успел уже проплыть половину расстояния, отделявшего шлюпку от судна. И вот раздался треск мушкета. Пловец выпрямился, замахал обеими руками по направлению к шлюпке, предостерегая находящихся в ней, и громовым голосом, раздавшимся по всей бухте, крикнул:

— Берегитесь — это Шаркэ!

Шлюпка немедленно повернула назад, а пират в бессильной злобе дал выстрел изо всех орудий, но этот выстрел не принес шлюпке ни малейшего вреда.

По лицу умирающего Краддока мелькнула улыбка, а затем, впад в бессознательное состояние, он медленно пошел к золотому дну бухты, которая точно манила и призывала его к себе.

Глава III. О том, как Коплей Бэнкс умертвил капитана Шаркэ

Морские разбойники были

организованы гораздо лучше обыкновенных мародеров. Пираты составляли как бы плавучую республику, в которой господствовали свои собственные законы и обычаи, своя собственная дисциплина.

Все помнят ужасную и жестокую борьбу, которую пираты вели с испанцами. И что же? Пираты были уверены, что право в этой борьбе было на их стороне.

Да и в самом деле, пираты были не менее гуманны, чем порядочные люди того времени. Их кровавые набеги на прибрежные порты были несколько не более жестоки, чем вторжение испанцев в Нидерланды.

Или, вспомните, как расправлялись испанцы с караибскими, жившими в тех же водах Атлантики, в которых действовали пираты.

Вожди пиратов — англичане или французы, Морган или Граммон — были людьми в некотором роде ответственными перед общественным мнением своих стран. Соотечественники восхваляли пирата в том случае, если он воздерживался от деяний, не одобряемых толстокожей совестью XVII столетия. Некоторые пираты были очень религиозны. Про одного из них, Саукинса, рассказывают, что он подверг строгому наказанию своих подчиненных за то, что они

играли в кости в праздник. Пират Даниэль застрелил человека, который, стоя в церкви, произносил богохульства.

Но прошли дни, и эти рыцарственные пираты отошли в область прошлого, а на их место стали закоснелые и нераскаянные преступники. Впрочем, даже и эти преступники соблюдали отчасти предания своих предшественников. Между ними были такие люди, как Эвори, Энгланд и Робертс, которым человечность была не совсем чужда. Они воевали с купцами, но щадили моряков. Однако, благородные традиции скоро иссякли в них, и пираты стали врагами всего

человеческого рода, — врагами совершенно беспощадными. Кто попадал в их руки — погибал, и поэтому об их подвигах мало кто слышал. Иногда только где-нибудь среди океана находили остатки сгоревшего и залитого человеческой кровью судна. О деятельности этих людей можно было только догадываться.

Самыми свирепыми пиратами считались Нэд Лоу, Гоу-шотландец и безбожный Шаркэ, черная барка которого, носившая имя «Счастлирое Освобождение», была известна повсюду, начиная с Новой Земли и кончая Ораном. Барка эта несла повсюду за собою разрушение и

смерть...

На материке и на островах жило много людей, которые питали смертельную ненависть к Шаркэ. Но никто его не ненавидел так жестоко, как Коплей Бэнкс из Кингстона. Бэнкс был крупный сахарозаводчик из Вест-Индии. Это был человек с положением, член совета. Женат был на особе, принадлежащей к роду Персивалей, и приходился двоюродным братом губернатору Виргинии. У Бэнкса было два сына, которые учились в Лондоне. Однажды мать поехала в Англию, чтобы привезти их домой. На возвратном пути судно, на котором ехали Бэнксы, «Герцогиня

Корнуэльская», подверглось нападению Шаркэ, и все семейство погибло ужасной смертью.

Коплей Бэнкс, узнав о несчастьи, не сказал почти ничего, но впал в угрюмую, беспросветную меланхолию. Он перестал заниматься делами, прекратил всякие знакомства и пристрастился к посещению кабаков самого низкого сорта. Часто его можно было видеть в этих притонах. Кругом ругательство и драки, а он сидит молчаливо у столика, курит трубку, лицо его спокойное, но глаза горят каким-то странным огнем. Жители решили, что Бэнкс сошел с ума. Старые знакомые стали его избегать. Нельзя

же протягивать руку человеку, который водится с такой компанией, как Бэнкс.

Время от времени в Кингстон приходили слухи о подвигах Шаркэ. Иногда эти новости привозил владелец какой-нибудь шкуны, который рассказывал, что он увидел на горизонте большое пламя, но, подойдя к месту несчастья, он поспешно поворотил назад. Почему? Да потому, что он увидал зловещую черную барку, которая, как волк среди убитых овец, бродила между погибающих купеческих судов. Другой раз — испуганный купец прибывал в Кингстон с изорванными парусами; купец этот едва-едва

спасся от черной барки, которая его преследовала.

Один прибрежный житель, подойдя к пустынному берегу, едва не сошел с ума, увидав целую кучу высохших под лучами солнца человеческих трупов. Таковы были подвиги Шаркэ.

Однажды в Кингстон прибыл человек, служивший штурманом на одном купеческом корабле. Этот человек побывал в плену у Шаркэ и был выпущен живым. Говорить он не мог по той простой причине, что Шаркэ отрезал ему язык. Но писать он мог и писал много, к великому удовольствию Коплея Бэнкса. Целые часы проводили они вместе, сидя над

картою океана. Немой водил пальцем по карте, показывая то на тот, то на другой пункт. А Коплей Бэнкс следил за его движениями, куря свою неизменную трубку. Лицо его было по-прежнему спокойно, в то время, как глаза горели диким огнем.

Однажды утром — это было два года спустя после несчастья — Коплей Бэнкс вошел в свою собственную контору. Это был снова прежний Коплей Бэнкс. Вид у него был веселый, энергичный. Директор взглянул на него с удивлением. Уже несколько месяцев хозяин не заглядывал в контору.

— Здравствуйте, мистер Бэнкс, — произнес он.

— Здравствуйте, Фриман. Кажется, я видел в гавани «Драчуна Гарри»?

— Да, и он уже нагружен и в среду уходит в Англию.

— У меня, Фриман, другие планы насчет этого судна. Я хочу отправить его в Африку за рабами.

— Но ведь судно уже нагружено, сэр?

— Что же делать, Фриман: нужно его разгрузить. Я решил окончательно, что «Драчун Гарри» пойдет в Африку за рабами.

Как ни убеждал, как ни упрашивал Фриман Бэнкса — все было напрасно. Судно пришлось разгрузить. И вот Коплей Бэнкс стал

готовиться к путешествию в Африку. Странно было, что он не принял мер, которые принимаются в этих случаях.

Блестящих побрякушек, которые так любят негры, он с собою не взял, но зато вооружил свой бриг восемью крупнокалиберными пушками и сделал большой запас мушкетов и кортиков. Около капитанской каюты устроили пороховой магазин. Запас снарядов был сделан также огромный, не меньше, чем на любом военном корабле.

Бэнкс сделал также большой запас воды и провианта. Очевидно, что он готовился к очень продолжительному путешествию.

Но всего изумительнее был способ вербовки команды. Глядя на действия Бэнкса, директор Фриман начал убеждаться в том, что городские сплетники правы, и его патрон, действительно, сошел с ума. Дело в том, что Бэнкс под разными предлогами начал увольнять старых и испытанных моряков, которые служили у него по многу лет; на их место он стал набирать разную рвань, людей с самой дурной репутацией, которых не взял бы к себе на службу ни один уважающий себя торговец.

Между прочим, в Кингстоне жил некий Берзмарк Свитлокс. Про этого Свитлокса, на лице которого было

ужасное кровавое пятно, рассказывали, что он участвовал в убийстве каких-то дровосеков. Люди мистического образа мыслей добавляли, что и кровавое-то пятно на лицо этого человека наложено Небом в виде знамения его порочности.

И что же? Этого самого Свитлокса Бэнкс взял к себе в качестве штурмана; помощником к нему он назначил некоего Мартина, человека также с очень дурной репутацией.

Команду свою Бэнкс вербовал между посетителями тех самых притонов, к которым сам за последнее время пристрастился.

Буфетчиком на корабль он взял человека с диким лицом, который и говорить-то порядком не мог, а кудахтал, словно курица. Человек этот был гладко выбрит и, глядя на него, немыслимо было узнать в нем того, кому капитан Шаркэ отрезал язык, и кто ушел от него, чтобы рассказать о своих приключениях Коплею Бэнксу.

Приготовления Бэнкса не прошли незамеченными. Комендант Кингстона, майор артиллерии Гарвей, сделал доклад губернатору.

— Это не купеческое судно, а маленький военный корабль, — сказал он. — Я полагаю, что самое лучшее будет, если мы арестуем

Бэнкса и положим секвестр на его судно.

— Но что же вы подозреваете? — спросил губернатор.

Этот губернатор соображал очень плохо. Ум его был ослаблен лихорадками и портвейном, который он потреблял в большом количестве.

— Я подозреваю, — ответил Гарвей, — что повторится история Стида Боннета.

Стид Боннет был богатым плантатором, известным всем, как человек высоко нравственный и религиозный. И вот в один прекрасный день этот Стид Боннет снарядил судно, ушел в море и

сделался пиратом. Этот случай имел место недавно и произвел большую сенсацию на островах. Обвиняли администрацию, говорили, что Сид Боннет подкупил губернатора и обещал ему часть добычи.

Губернатор испугался.

— Ну что же, майор Гарвей, — сказал он, — мне, конечно, очень грустно принимать меры, обидные для моего друга Коплея Бэнкса; я ведь не раз обедал у него: мы с ним приятели. Но раз вы уже так говорите, то выбора нет; вам предписываю произвести обыск на его корабле и удостовериться во всем, как следует.

И вот, в одно прекрасное утро,

майор Гарвей посадил на лодку своих солдат и прибыл в гавань, чтобы арестовать «Драчуна Гарри», но его уже в порту не было. Коплей Бэнкс, предупрежденный, очевидно, об опасности, удрал, и его бриг неся теперь по морю.

На следующее утро бриг прибыл в Морант, и там Коплей Бэнкс вызвал всю команду на палубу и открыл ей все свои планы.

— Я выбрал вас, — сказал он, — потому что считаю вас умными и проворными ребятами. Вы, конечно, согласитесь скорее рискнуть и получить хороший заработок на море, чем прозябать на берегу в нищете и угнетении. Бояться нам

нечего, у короля мало кораблей, и они слабы, а мы можем справиться с любым купеческим судном. Работают же другие, отчего и нам не поработать. Корабль у нас хороший. Теперь на вас просмоленные куртки, а поработаете — будете носить бархатное платье. Я буду вами командовать. Если кому не нравится мой план — выходи вперед. Я дам вам лодку, и вы можете ехать обратно в Ямайку.

На корабле было сорок шесть человек, и только четверо из них не захотели сделаться пиратами. Для них была приготовлена лодка, и они отплыли, сопровождаемые насмешливыми криками команды.

Остальные собрались вместе и подписали устав товарищества. При общих криках восторга на главной мачте был выкинут черный флаг с изображенным на нем человеческим черепом. Были избраны офицеры, но власть их была, как и подобает, ограничена. Коплея Бэнкса выбрали капитаном. Штурманов на пиратских кораблях не полагается, и поэтому Берзмарк Свитлокс был назначен квартирмейстером, а Израэль Мартин боцманом. Устав братства был согласован без всяких затруднений, так как половина матросов прежде еще служила на пиратских кораблях. Пища должна была быть для всех одинаковая, а

пить спиртные напитки было разрешено всем, когда и сколько угодно.

Капитану полагалась каюта, а матросам не возбранялось входить в эту каюту, когда им угодно. Добыча должна была делиться поровну, но капитану, квартирмейстеру, боцману, плотнику и заведывающему орудиями полагалась прибавка. Тому, кто первый заметит купеческое судно, полагалось выдавать лучшее оружие, на нем найденное. Первый, взошедший на неприятельское судно, имел право на лучшую пару платья, найденную там. Всякий пират имел право распоряжаться своим пленником — будь это мужчина или

женщина — как ему угодно. Пирататруса квартирмейстер имел право застрелить. Таковы были правила нового пиратского товарищества. Под условием были поставлены сорок два креста.

Таким-то образом новое разбойничье судно появилось в морях, и не прошло и года, как имя «Драчуна Гарри» стало не менее знаменито, чем имя «Счастливого Освобождения». Повсюду на американском побережье Коплей Бэнкс считался соперником Шаркэ и ужасом купеческих кораблей. Но долгое время барка и бриг не встречались друг с другом. А это было тем более странно, что «Драчун

Гарри» охотился именно в тех местах, где и капитан Шаркэ.

Но вот наконец этот миг настал, «Драчун Гарри» задумал чиститься и для этой цели избрал небольшую бухточку в восточной части Кубы. Когда судно вошло в бухточку, там уже находилась барка капитана Шаркэ «Счастлиное Освобождение». Коплей Бэнкс приказал произвести салют, а затем выкинул зеленый флаг, как полагалось между благовоспитанными пиратами. После этого он отправился на лодке в гости к капитану Шаркэ.

Шаркэ отличался отвратительным характером. Он не жаловал даже тех, которые

занимались одним ремеслом с ним.

Когда Коплей Бэнкс взошел на палубу, Шаркэ сидел верхом на одном из орудий. Около него стоял квартирмейстер Нэд Галловей и несколько пиратов крайне свирепого и дикого вида. Но даже и эти дикие звери усамились, когда на них устремлялся свирепый взгляд их капитана. Шаркэ сидел без верхней одежды, в одной шелковой красной рубашке. Жгучее тропическое солнце, по-видимому, не имело власти над его бескровным телом. Он сидел в низкой меховой шапке. Через плечо у него была надета разноцветная шелковая лента, на которой висела короткая сабля. За

широким поясом торчало несколько пистолетов.

Когда Коплей Бэнкс появился на палубе, Шаркэ закричал:

— Вот он, вор и грабитель! Вот, погоди, выколочу я из тебя твою проклятую жизнь! Как ты смеешь ловить рыбу в моих водах?

Коплей Бэнкс взглянул на Шаркэ странным взглядом. Так смотрит путник на город, к которому он давно стремился.

— У меня такие же мысли, как у тебя, — ответил он. — Нам двоим тесно в океане. Бери с собой саблю и пистолеты и иди со мной на берег. Там мы решим, кому из нас владеть океаном.

Шаркэ вскочил с пушки и сердечно протянул руку Коплею Бэнксу.

— Вот это называется разговаривать! — воскликнул он. — Я видел мало людей, которые осмеливались бы глядеть прямо в лицо Джону Шаркэ и разговаривать с ним, как следует. Черт меня возьми, если я не хочу быть твоим другом. Но если ты со мной сфальшивишь, то берегись! Я приду к тебе на корабль и прибью твои уши к корме.

— И от меня можешь ожидать того же самого, — ответил Коплей Бэнкс.

И с этого дня пираты сделались закадычными друзьями.

Летом оба пиратских судна отправились на север, доходили до Нью-Фаундленда и ограбили много купеческих и китоловных судов, шедших из Новой Англии. Ливерпульское судно «Ганноверский дом» было взято в плен Коплеем Бэнксом. Но не Коплей Бэнкс, а Шаркэ велел привязать капитана этого судна к мачте и заколотить его до смерти пустыми бутылками.

Вместе же Коплей Бэнкс и Шаркэ дали сражение английскому военному кораблю «Королевское счастье». Корабль этот был послан вдогонку за пиратами, но был затоплен ими после пятичасового ночного боя. Пираты сражались при

свете фонарей, пьяные и распевая песни. Около каждого орудия было поставлено ведро с ромом и положен хлеб на закуску. После сражения пираты чинились в одной из бухт Северной Каролины. Весной они отправились в Большой Кайкос, чтобы там приготовиться к долгому плаванию в вест-индских водах.

К этому времени Шаркэ и Коплей Бэнкс успели сделаться самыми закадычными друзьями. Шаркэ любил опытных негодяев и уважал людей с характером. Коплея Бэнкса он уважал за то и за другое. Он ему долго не доверял, так как был от природы очень подозрительный человек. Виделся с ним только на

своём корабле и никогда не отлучался от своей команды.

Но Коплей Бэнкс так часто бывал на судне Шаркэ и так часто участвовал в его отвратительных кутежах, что тот, в конце концов, перестал его опасаться. Ведь он не знал, что Коплей Бэнкс таит против него зло. Шаркэ сделал на своём веку так много преступлений, что положительно не мог помнить об умерщвленных им женщине и детях.

И вот, когда оба корабля стояли у берега Кайкоса, Шаркэ и его квартирмейстер Нэд Галловей получили от Коплея Бэнкса приглашение пожаловать к нему на бриг поужинать. Шаркэ принял это

приглашение.

За неделю перед этим пираты ограбили прекрасное пассажирское судно. Денег у них было много, и вследствие этого ужин был пышный. После ужина все принялись пить. Сидели впятером в капитанской каюте. Кроме обоих капитанов здесь находились Берзмарк Свитлокс, Нэд Галловей и Израэль Мартин. Прислуживал немой дворецкий Бэнкса. Он не угодил Шаркэ, наливая ему вино слишком медленно, и тот за это разбил стакан об его голову.

Квартирмейстер убрал потихоньку от Шаркэ его пистолеты, так как у Шаркэ была дурная привычка в пьяном виде стрелять под

столом в ноги сидевших напротив него. Однажды он таким образом серьезно изранил своего боцмана. Опасаясь подобной выходки, Нэд Галловей взял у Шаркэ под каким-то предлогом пистолеты и положил их в другом углу каюты.

Капитанская каюта на «Драчуне Гарри» помещалась на палубе близко к корме. В ней же стояла крупнокалиберная пушка. По стенам были уложены круглые снаряды, порох помещался тут же в больших бутылках и ящиках. В этой-то мрачной комнате пять пиратов пели песни, орали и пили вино. Молчаливый дворецкий то и дело наполнял стаканы и подавал ящик с табаком.

Час от часу беседа становилась бессвязнее. Наконец, трое из собеседников свалились под стол и заснули мертвым сном. За столом теперь сидели только двое: Коплей Бэнкс и Шаркэ. Первый — потому, что пил мало, а второй — потому, что никогда не бывал пьян. Спиртные напитки не действовали на его железные нервы, не могли разогреть его холодную, как у слизняка, кровь. За стулом у Шаркэ стоял немой дворецкий, прислуживая ему.

Извне доносился шум морского прибоя и звуки песен. Это пели пираты на «Счастливом Освобождении».

Слова песни отчетливо были слышны в каюте. Коплей Бэнкс и Шаркэ сидели молча и прислушивались к словам песни. Бэнкс глянул на немого дворецкого, и тот незаметно снял с полки веревку.

— Капитан Шаркэ, — произнес Бэнкс, — помните ли вы «Герцогиню Корнуэльскую», судно, шедшее из Лондона и затопленное вами у Стотира-Шоля?

— Черт меня возьми, если я помню все эти имена, — ответил Шаркэ. — Как раз в это время мы затопили десять судов в течение одной только недели.

— Между пассажирами были двое детей с матерью. Может быть,

вы припомните эту историю?

Капитан Шаркэ откинулся назад и стал припоминать. Затем он вдруг рассмеялся своим пронзительным смехом, напоминающим лошадиное ржание.

— Да, да, я помню этот случай, — сказал он и начал рассказывать Бэнксу подробности.

Окончив рассказ, он воскликнул:

— Но удивительно, что я все это позабыл. Скажите, Бэнкс, почему вы меня спросили об этой истории?

— Мне это было интересно, — ответил Бэнкс, — убитая вами женщина была моя жена, а дети — мои единственные сыновья.

Шаркэ воззрился на своего приятеля. И всегда в его глазах мелькал какой-то подозрительный огонек, теперь этот огонек горел полным и зловещим пламенем. И Шаркэ понял, что ему угрожает опасность.

Быстро схватился он за пояс — кобура была пуста, пистолетов не было. Он оглянулся кругом, ища оружие, но вдруг вокруг него обвилась веревка, и он увидал себя связанным.

Шаркэ заметался, как дикая кошка, и завизжал.

— Нэд! — кричал он, — проснись, Нэд! Тут подлая измена! На помощь, Нэд, на помощь!

Но трое пиратов не слышали этого крика; они были погружены в свой скотский сон, а веревка продолжала обвиваться вокруг тела Шаркэ, и скоро он оказался забинтованным до самой шеи. Бэнкс и немой дворецкий взяли его на руки и положили около пороховой бочки. Рот ему заткнули носовым платком. Теперь Шаркэ не мог уже кричать, он только глядел на своих мучителей, и взор его ядовитых голубых глаз посылал им молчаливые проклятия.

Немой был в восторге и неумолкаемо лопотал что-то. Шаркэ увидал, наконец, что у этого человека нет языка, и заморгал глазами. Он понял, что этот немой — тоже

мститель, — мститель терпеливый и коварный, который долго выжидал случая отомстить.

А Бэнкс и немой начали приводить в исполнение свой план. Этот план был довольно сложный.

Они распечатали две пороховые бочки и высыпали порох на стол и на пол, особенно много насыпали они пороха около трех пьяных людей, продолжавших спать на полу. Затем они подтащили Шаркэ к пушке и привязали его таким образом, что голова его приходилась как раз против дула; немой привязал его крепко, так что высвободиться он не мог никаким образом.

И не только высвободиться не

мог Шаркэ, но даже шевельнуться. Ему приходилось беспомощно ожидать своей смерти.

— Ну, а теперь, кровопийца и дьявол, слушай! — мягко произнес Коплей Бэнкс. — Ты должен выслушать, что я тебе скажу, и это будут последние слова, которые ты услышишь на этом свете. Ты в моих руках. Я купил тебя дорогой ценой. Я отдам за тебя все, до моей души включительно. Для того, чтобы овладеть тобой, я должен был опуститься до твоего уровня. Два года я боролся с собой, надеясь найти какой-нибудь другой способ добраться до тебя, но, наконец, я увидел, что другого способа нет. Мне

пришлось грабить, мне пришлось убивать, мне — что еще хуже — пришлось жить и дружиться с тобой. И все время я преследовал одну цель. И вот, мое время пришло, и ты умрешь, как я хочу. Смерть будет красться к тебе потихоньку и в мраке этом, на тебя надвигающемся, ты увидишь своего отца-сатану, который готовится овладеть тобой.

Шаркэ слушал эту страшную речь, и в то же время до него доносилась песня его пьяных товарищей со «Счастливого Освобождения»:

Шел по морю из Америки

купец.

К нам попал он в руки, и
настал ему конец.

Мы отправили его на дно
твое, о, океан,

Золото купца попало в наш
карман.

Ой, пираты, теперь можно
покутить,

Можно в порту весело-
превесело пожить:

И винца попить, и девушек
любить.

Слова песни отчетливо
раздавались в ушах Шаркэ. Так же

отчетливо он слышал шаги двух пиратов, гулявших по палубе.

Веселые слова песни и разухабистый ее мотив особенно терзали умирающего пирата. Смерть его ужасала, но злые голубые глаза не смягчались. По-прежнему они блестели ядовитой злобой. Какое ужасное состояние — быть привязанным к дулу пушки и не быть в состоянии двинуться; нельзя даже застонать. А на барке продолжали петь:

Режь купцов и кровь, как
воду, лей,
Не жалей их! Бей и

женщин, и детей!

Деньги, шелк и бархат
забирай.

Руль скорее к порту, к
порту направляй.

Как стрела, кораблик наш
летит.

Уж к себе пирата порт
манит.

Там с себя он смоем жертвы
кровь,

Там пирата встретит
счастье и любовь.

Коплей Бэнкс заряжал тем
временем пушку, а затем он взял

свечку и обрезал ее. Образовался огарок в полтора дюйма вышиной. Огарок он поставил около казенной части пушки на слой пороха. Затем он подсыпал еще пороху на пол.

План был ясен. Огарок догорит, пушка выстрелит и оторвет пирату голову, а одновременно с этим вспыхивает и порох на полу, и весь корабль взлетит на воздух.

— Ну, Шаркэ, ты любил полюбоваться смертью ближних, — произнес Бэнкс, — теперь пришла твоя очередь. Ты умрешь вместе с этими свиньями.

Он зажег огарок и потушил свечи на столе. Затем Бэнкс и немой вышли из каюты. Запирая дверь,

Бэнкс оглянулся. Вид у него был торжествующий, но и здесь его глаза встретились с глазами, в которых светилась непобедимая ненависть. В слабом свете огарка виднелось белое, как слонобая кость, лицо, на высоком лбу блестели капли холодного пота.

Таков был Шаркэ в свою последнюю минуту. Коплей Бэнкс и немой его помощник сели в лодку, приготовленную заранее, и направились к берегу.

Гребя веслами, они то и дело оглядывались на бриг, который был скрыт наполовину пальмовыми деревьями.

И вот в тиши ночи раздался

глухой удар пушечного выстрела, а затем грянул оглушительный удар взрыва.

Бриг и барка, стоявшая рядом с ним, точно подпрыгнули в воздух, а затем погрузились на дно бухты...

Берег огласился стонами и криками погибающих, а затем все смолкло.

Все погибли...

Душа мстительного Коплея Бэнкса ликовала...

Он тронул товарища за плечо, и они двинулись прочь от рокового места...

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке](#)

Royallib.ru

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

notes

Примечания

Утрехтский мир — общее название ряда мирных договоров, завершивших войну за Испанское наследство. Из них наиболее значительные договора от 11.04.1713 г. между Францией и всеми ее противниками по этой войне — Англией, Испанией, Голландией, Пруссией, Савойей и Португалией, за исключением т. н. «Священной Римской империи» (Прим. составителя).

Кренгованием называется чистка и починка судна, для чего последнее подводится к берегу и кладется на бок, так, чтобы обнажилось его дно.